

*Международный «круглый стол»
«Древняя Аравия. Новые открытия»*

© 2003 г.

А. Аванцини

**ИССЛЕДОВАНИЯ ИТАЛЬЯНСКОЙ МИССИИ В ДОФАРЕ
(СУЛТАНАТ ОМАН)**

Между 1996 и 1998 гг. Итальянская миссия в Дофаре (MID) регулярно проводила короткие по времени, продолжительностью около одного месяца, исследования в местности Хор Рори. Исследования велись по нескольким направлениям.

1. АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

В 1952 г. американская экспедиция под началом У. Филлипса начала раскопки на поселении в урочище Хор Рори, расположенном на прибрежной равнине Дофара к востоку от современного г. Салала. Раскопки, организованные американским фондом по изучению человека (American Foundation for the Study of Man), показали, что поселение в урочище Хор Рори, чье древнее имя – Сумхурам – дошло до нас, являлось стратегической военной базой в Дофаре, основанной колонистами из Хадрамаута для установления контроля над основными районами произрастания ладана, которые расположены в районе Неджда непосредственно к северу от прибрежных гор.

Несмотря на то, что мы не имеем стопроцентных доказательств, представляется почти несомненным, что Сумхурам должен быть идентифицирован с Моска Лимен, городом, упомянутым в греческом «Перипле Эритрейского моря» (написан около середины I в. н.э.). Аргументы, приведенные сравнительно недавно британским исследователем Н. Грумом против такой идентификации¹, не только явно недостаточны, но и слабы сами по себе. Достаточно сказать, что он не учитывает такой важный факт, как отсутствие в указанном регионе, несмотря на его достаточно хорошую степень изученности, каких-либо иных древних городов-портов, которые можно было бы идентифицировать с Моска Лимен.

Раскопки, проведенные итальянской миссией в 1997 и 1998 гг., позволили нам отнести время основания древнего городища к последней четверти I в. до н.э.² В разведочном раскопе 2, под руинами одной из построек, открытых в 1952 г. экспедицией У. Олбрайта, нам удалось обнаружить остатки помещения, датирующегося на основании радиоуглеродного анализа последней четвертью I тыс. до н.э. Таким образом, стало ясно, что строения, относящиеся к монументальной фазе развития Сумхурама (I в. н.э.), были сооружены поверх более ранних сооружений, характеризующихся, правда, сходным керамическим комплексом. Систематические раскопки на городи-

¹ Groom N. The Periplus, Pliny and Arabia // ААЕ. 1995. 6. P. 180–195.

² Таким образом потерял значение один из основных аргументов Н. Грума против идентификации Сумхурама с Моска Лимен, который состоял в том, что городище было основано значительно позже середины I в. н.э. и поэтому не могло упоминаться в греческом источнике.

Рис. 1. Древний Сумхурам. Общий план городища

ще, так же как и интенсивные реставрационные работы, планируется провести на городище в последующие годы.

Один из основных объектов будущих исследований – район вокруг монументального здания в северной части городища (рис. 1). Представляется, что они необходимы для лучшего понимания характера раскопанного здания: согласно американским археологам, здесь располагался храм, посвященный верховному хадрамаутскому богу Сайину, однако итальянский исследователь П. Коста высказал мнение, что здание являлось хорошо укрепленным дворцом. Не исключено, что в таком небольшом городе, каким являлся древний Сумхурам, монументальная постройка совмещала обе функции.

Благодаря материалу, полученному при наших раскопках, и в первую очередь благодаря серии имеющихся радиоуглеродных дат, мы пришли к заключению, что постепенный упадок жизни в древнем городе, приведшей к полному прекращению функционирования города как порта, начался в первой половине III в. н.э. Нельзя не отметить, что в данном случае археологический материал хорошо согласуется с письменными источниками, фиксирующими именно в это время начало кризиса и в метрополии, т.е. в Хадрамаутском царстве, которое к концу III в. н.э. оказалось поглощенным Химйаром.

Археологические исследования, проводимые итальянской миссией в Дофаре, затронули и прилегающий к Хор Рори район (рис. 2). По результатам исследований американских археологов древний Сумхурам выглядел как «кафедральный собор», возвышающийся посреди почти полностью необитаемой пустыни. Другими словами, археологические памятники на окружающей территории, т.е. памятники местных племен, обитавших в Дофаре в конце I тыс. до н.э. – первой половине I тыс. н.э., были

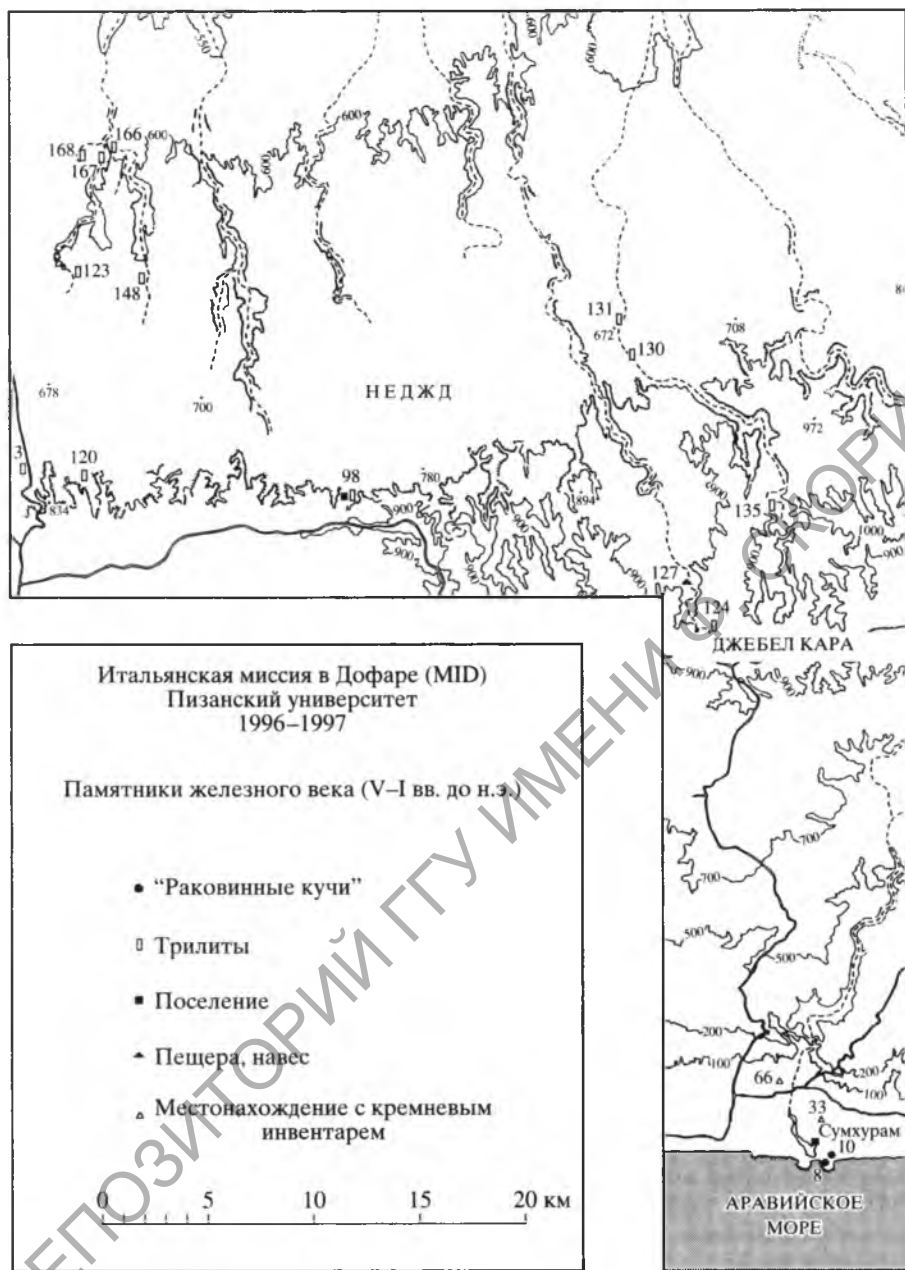

Рис. 2. Дофар. План-схема исследуемого региона

практически неизвестны³. Исходя из этого, одной из первоочередных историко-археологических задач миссии явилось исследование окружающего района для выяснения того древнего «территориального контекста», в котором располагалось исследование.

³ В 1992–1995 гг. американская археологическая экспедиция под руководством Ю. Заринса также проводила интенсивные археологические исследования в Дофаре. Первые результаты этих исследований см. *Zarins J. Persia and Dhofar: Aspects of Iron Age International Politics and Trade // Crossing Boundaries and Linking Horizons / Ed. G.Y. Young, M.W. Chavals, R.E. Averbeck. Bethesda, 1997. P. 615–689.*

дуемое городище. Задачи этого многоуровневого исследования могут быть сформулированы следующим образом.

1. На первом, более простом уровне, попытаться реконструировать существовавшие в древности караванные пути, связывавшие ладаноносные районы Дофара с его прибрежными областями, в частности с древним городом-портом Сумхурам, через который, как мы знаем из письменных источников, благовония экспортировались на запад (в царства Юго-Западной Аравии и Средиземноморье) и на восток (в Индию).

2. На втором, более сложном уровне, попытаться выстроить модель культурных и экономических взаимоотношений, существовавших между различными социально-политическими группами древнего населения Дофара и нашедших отражение в их материальной культуре (насколько это возможно по материалам раскопок древних поселений).

С 1996 г., параллельно с раскопками в Сумхураме, нами были организованы три специальные группы, занимавшиеся геоморфологическим и археологическим изучением памятников древнего региона. Результаты этих исследований могут быть суммированы следующим образом.

Памятники второй половины I тыс. до н.э. – первых веков нашей эры, т.е. либо предшествующие, либо одновременные хадрамаутской колонии Сумхурам, которые есть все основания определять как принадлежавшие местным, дофарским племенам, удивительно разнообразны. Они представлены различными типами поселений, соотносимых с различными физико-географическими и экономическими зонами региона.

1. Вдоль кромки побережья выявлены поселения, использовавшиеся преимущественно как временные стоянки рыболовов и собирателей моллюсков (так называемые «раковинные кучи»).

2. На прибрежной равнине и у подножия гор открыты постоянные земледельческие поселения с укрепленными цитаделями. Такова, например, цитадель поселения Айн Хумран, расположенная у выходящих с гор родников. Она была сооружена на высоком холме и укреплена двойной линией оборонительных стен, усиленных башнями. Подобный хорошо укрепленный форт был необходим для контроля над местностью и защиты окружающих поселений, рядом с которыми выявлены остатки древних ирригационных систем⁴. Основой экономики таких поселений являлось безусловно, ирригационное земледелие и, вероятно, скотоводство (мелкий и крупный рогатый скот).

3. На дофарском высокогорье (Джебел Кара и Недж) открыты временные пещерные стоянки скотоводов, которые жили также в постоянных поселениях.

4. Наконец, в северной пустынной части Дофара открыты редкие оазисные земледельческие поселения, которые, как, например, хорошо укрепленное поселение Шисур, контролировали также основные караванные дороги.

Таким образом, наши исследования помогли установить тот территориальный и культурный контекст, в котором существовал Сумхурам, колония, основанная выходцами из Хадрамаута. Все это помогает лучше и в более широком историческом контексте понять и охарактеризовать ситуацию в одном из регионов древней Южной Аравии, широко вовлеченном в международную морскую торговлю между римским Египтом и странами бассейна Индийского океана.

Отметим, что среди керамики, найденной в Сумхураме, явно преобладает импорт из Хадрамаута и районов Средиземноморья и практически полностью отсутствует керамика местного производства, что является лишним свидетельством специфического характера древнего города-порта.

⁴ См. *Zarins*. Op. cit. P. 658–660. Fig. 12.

Исследования по археологии и истории хадрамаутской колонии Сумхурам напрямую связаны с некоторыми общими вопросами истории Южной Аравии. Основание Сумхурама правителями Хадрамаута ставит вопрос о характере взаимоотношений, существовавших между южноаравийскими царствами, в своей экономической и политической жизни безусловно ориентированными в сторону великой аравийской пустыни, и прибрежными районами Аравии, либо, в более широком контексте, между политической властью и ее территорией.

Современные исследователи часто считают, что южноаравийские царства, сформировавшие так называемую «культуру Сайхад», культуру пустыни, как называл ее британский ученый А.Ф.Л. Бистон, абсолютно не были вовлечены в процессы развития прибрежных областей Аравии и не уделяли должного внимания развитию морской торговли в этом регионе⁵. Считается также, что только после завоевания Египта Римом и последовавшего за этим бурного развития морской торговли с Индией южноаравийские царства, никогда прежде не принимавшие участия в этой торговле, стали строить суда, порты и открыли для себя возможность использования муссонов – открытие, которое, как широко известно, всегда приписывалось европейцами греческим мореплавателям⁶.

На мой взгляд, не стоит доверять этой гипотезе. Возможно ли, чтобы народ воинов, земледельцев и верблюдоводов мог самостоятельно стать мореплавателями, способными справляться с трудностями в управлении судами, непременно возникавшими у тех, кто стремился пересечь Индийский океан?

Действительно, начиная примерно с VII в. до н.э., все экономические и политические центры южноаравийской цивилизации были сосредоточены вдоль караванных путей, как об этом блестяще свидетельствуют многочисленные письменные и археологические источники, происходящие исключительно из района пустыни Сайхад. Существовавшая, вероятно, в это время каботажная морская торговля, как и возможные плавания на средние и дальние расстояния, должны были находиться в руках небольших сообществ, обитавших на побережье Аравии на периферии политического, культурного и экономического влияния этих центров. Экономика таких сообществ основывалась на рыболовстве и разведении овец, однако уровень ее развития позволял, безусловно, заниматься мореплаванием и даже совершенствовать морские навыки⁸.

Полукочевые и кочевые сообщества Южной Аравии, взаимодействовавшие с оседлыми земледельческими общинами, что является характерной особенностью всей истории Ближнего Востока, можно разделить на две группы.

1. Кочевые племена, занимавшиеся разведением овец и верблюдоводством и обитавшие на границе с пустыней. Некоторые из них, по сообщению письменных источников, перешли к оседлому образу жизни, в то время как феномен «бедуинизации» затронул отдельные оседлые общины.

2. Полукочевые племена, обитавшие на побережье Красного моря и Индийского океана и занимавшиеся рыбной ловлей и овцеводством.

⁵ Robin Chr. Sheba // *Supplément au dictionnaire de la Bible*. P., 1996. Col. 1201: «Не кажется, что сабейцы играли важную роль на море».

⁶ Tchernina A. *Moussons et monnaies: les voies du commerce entre le monde Gréco-Romain et l'Inde* // *Annales HSS*. 1995. 5. P. 991–1009.

Идея о путешествиях в открытом море с помощью муссонов всецело завладела воображением современных исследователей, однако не следует забывать и тот хорошо известный факт, что в древности и плавание по Красному морю также было крайне опасным предприятием.

⁸ Реконструируя древнюю историю Южной Аравии, мы не должны забывать о «географических колебаниях», которые претерпевали центры власти. Так, например, по данным письменных и археологических источников, прибрежные районы Йемена играли ключевую роль на самом раннем этапе южноаравийской истории.

С началом интенсивного развития римско-индийской морской торговли древние царства Южной Аравии оказались напрямую вовлечены в нее. Данное обстоятельство не могло не сказаться на заинтересованности этих царств осуществлять ее самостоятельно, а не делегировать эти функции прибрежным племенам, зачастую недостаточно экономически развитым. Именно поэтому в прибрежных районах юга Аравийского полуострова начинают возникать центры, имеющие все характерные черты южноаравийской цивилизации: окруженные стенами города, храмы, украшенные монументальными надписями. И строительство Сумхурама должно рассматриваться именно в такой исторической перспективе. Колонисты, пришедшие на побережье Дофара из Хадрамаута, оказались не в безлюдной пустыне, а на уже давно освоенной территории со сложной мозаикой местных сообществ, отличавшихся значительным разнообразием форм социально-политической организации и хозяйственной деятельности, сообществ, к тому времени уже создавших и контролировавших региональную сеть торговли, в том числе и морскую, на дальние расстояния.

Взаимоотношения между вновь основанным городом и местными племенами должны рассматриваться в определенном контексте, а не только как история «колонизации» прибрежных областей Хадрамаутским царством. Правда, для современных ученых не так-то просто отказаться от гораздо более стойкой и давно утвердившейся дуалистической концепции колонизации, представляющей этот процесс как конфронтацию между двумя существенно отличающимися друг от друга по развитию сообществами, каждое из которых в свою очередь является внутренне однородным и строго ограниченным территориально⁹.

Стремление к более четкому пониманию экономических, политических и культурных моделей взаимодействия, связывавших различные сообщества на уровне всего региона, а также возможность реконструировать более общую историческую картину, являются основными задачами нашего историко-археологического исследования на ближайшие несколько лет.

3. ЛИНГВИСТИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

Изучение лингвистической ситуации в Дофаре приобретает особое значение в рамках исследования более общих проблем исторической лингвистики, связанных с распространением семитских языков в Аравии.

Различные группы носителей семитских языков мигрировали на территорию Южной Аравии на разных этапах древнейшей истории этого региона. Однако, и это следует особо отметить, все южноаравийские языки (древние и современные) сформировались *внутри* южноаравийского региона, а не были привнесены сюда откуда-то извне уже в готовой форме. Совершенно необходимо различать как собственно пути миграций, по которым могли происходить передвижения непосредственных носителей языков, так и лингвистические «артерии», по которым осуществлялись контакты между различными языковыми группами, обитавшими на значительном расстоянии друг от друга.

Языковые контакты на Ближнем Востоке облегчались наличием здесь значительной массы полукочевых сообществ, что является социально-исторической особенностью данного региона. На мой взгляд, именно в этом выражается эвристический потенциал «аморритской модели» Дж. Гарбини: полукочевой народ – «аморриты» – являлся той движущей силой, с помощью которой происходило формирование и распространение семитских языков в регионе. Однако представляется, что сам Дж. Гарбини уже несколько утратил осознание преимуществ своей интуитивной модели с тех пор, как стал рассматривать ее в качестве примера географической клас-

⁹ О постколониальной концепции гибридности см. *Dommelen P. van. Colonial Constructs: Colonialism and Archaeology in the Mediterranean // World Archaeology. 1997. 28. P. 305–323.*

сификации в противоположность генеалогической классификации, которая совершенно его не привлекала.

Если мы будем рассматривать «аморритов» с этой точки зрения, то некоторые замечания А. Заборски, обратившего внимание на неполноту наших знаний о языке, на котором говорили «аморриты», жившие в Месопотамии, и также на абсурдность самой идеи о существовании «аморритского» языка в I тыс. до н.э., становятся неуместными¹⁰. В этой связи мы также можем отказаться и от гипотезы, что некоторые сообщества кочевников, известные своей консервативностью на культурном и языковом уровне, были не только в состоянии создавать новые языковые формы, но и внедрять их в городскую среду.

Как я уже отмечала в своих предыдущих работах, на мой взгляд, упомянутая выше модель не затрагивает природу родственных отношений между семитскими языками, но позволяет определить характер взаимоотношений семитского с другими лингвистическими семьями, такими, как индоевропейская семья языков.

Основная цель лингвистических исследований (о них я писала в начале этого параграфа) состоит в выявлении той лингвистической «артерии», по которой происходила первая, архаическая фаза распространения семитских языков в Аравии. Выйдя из Месопотамии, она пересекла район Персидского залива и Дофар и достигла сначала Йемена, а затем и Эфиопии. Подобный путь распространения семитских языков хорошо засвидетельствован наличием в Южной Аравии современных и некоторых древних южноаравийских языков, причем таких консервативных, как хадрамаутский. Сильная «сабеизация» эпиграфических южноаравийских языков могла быть причиной появления в Южной Аравии некоторых более поздних диалектов и объяснить их глубоко стратифицированную конфигурацию.

Выдвинутая мной гипотеза во многом совпала с предположениями, высказанными А. Лоннэ: «В том, что касается древнего южноаравийского, под которым мы подразумеваем языки древних надписей, в свете лексических и грамматических сопоставлений совершенно неприемлемо видеть в нем предшественника современного южноаравийского; это наименование тем более обманчиво, так как вероятно, что языки, называемые “древними”, проникли в Южную Аравию с севера, а языки, называемые современными, уже в ней существовали»¹¹. Однако теперь я склоняюсь к тому, чтобы формулировать свою гипотезу несколько иначе, чем в самом начале исследования, и теперь я уже меньше соглашаюсь с замечаниями А. Лоннэ.

Четко выраженная стратификация, являющаяся отличительной особенностью древних южноаравийских языков, не может быть объяснена исключительно на основе происшедшей в конце II или даже в I тыс. до н.э. миграции сабейцев с севера. По данным археологических исследований, проведенных в районе Мариба, развитые земледельческие поселения существовали в этом регионе уже в III тысячелетии до н.э. Организация их хозяйственной деятельности достигла такого высокого уровня развития, что позволило немецким археологам датировать этим временем

¹⁰ *Zaborski A. Semitic Dialect Continuum // Proceedings of the Colloquium on Arabic Grammar / Ed. K. Deyenyi, T. Ivényi. Budapest Studies in Arabic 3-4. 1994. P. 366: «Другая гипотеза, имеющая отношение к генетической классификации арабского языка была представлена в нескольких версиях Гарбини, который классифицирует арабский язык внутри северо-западной семитской языковой группы, и по мнению которого аморритский язык являлся разновидностью дописменного арабского (“una specie di arabo ante-litteram”). К сожалению, это предположение великого итальянского семитолога основано на довольно скудных сведениях (например, на очень ограниченных знаниях об аморритском языке, для которого сам Гарбини не дает никаких конкретных примеров), и, в результате, подобная гипотеза ставит больше вопросов чем ответов. Особенно вызывающей и далеко идущей является его идея об “аморритизации” не только североаравийских языков, но и южноаравийских и даже эфиопского! Однако, поскольку большая часть ключевых элементов этой гипотезы не может быть проверена, я не могу обсуждать эти вопросы в данной работе».*

¹¹ *Lonnet A. Quelques résultats en linguistique sudarabique moderne // Quaderni di studi arabi. 1993. 11. P. 37-82.*

сооружение первых плотин, составлявших основу древней ирригации оазиса¹². Таким образом, представляется практически доказанным, что Мариб был заселен оседлыми земледельческими племенами, говорившими на семитских языках, задолго до образования здесь Сабейского государства. Можно высказать предположение о происходившем некоем феномене «бедуинизации» земледельческих общин в этом регионе, с которого началась длительная серия контактов с племенами северной части Аравийского полуострова. Вероятно, именно эти контакты нашли свое отражение в данных письменных источников, упоминающих сабейцев на севере Аравии – это сабейцы, «ушедшие на север», а не некие бедуины Северной Аравии, еще не ушедшие на юг и еще не превратившиеся в сабейцев.

Становится очень важным по-иному сформулировать гипотезу о месте сабейского языка среди эпиграфических южноаравийских языков. Более того, взаимоотношения между современными и древними южноаравийскими языками – и здесь лингвистические исследования в Дофаре имеют значение первостепенной важности – более продуктивно могут рассматриваться на социальном, а не хронологическом уровне, как взаимоотношения между «городскими» и «сельскими» языками, а не как взаимоотношения между языками более древними и менее древними.

THE ITALIAN MISSION IN DHOFAR (SULTANATE OF OMAN)

A. Avanzini

Between 1996 and 1998 the Italian Mission in Dhofar (MID) has regularly organised short archaeological expeditions (one month long) in the region of Khor Rori. MID's work is subdivided into various lines of research: archaeological, historical and linguistic. The archaeological soundings carried out between 1997 and 1998 have allowed us to move back to the last quarter of the 1st century BC – the date of the foundation of Sumhuram, the Hadrami colony on the Dhofari coast, identified as Moscha Limen of the *Periplus of the Erythrean Sea*. Starting from 1996 we have organised three expeditions aimed at geo-morphological and archaeological exploration of the region, which was accompanied by archaeological soundings in the city of Sumhuram in order to determine its chronology. The study of the history of Sumhuram is connected to some general questions relating to South Arabian history. The construction of Sumhuram by Hadramawt kings opens the problem of the relationship between South-Arabian kingdoms and the coastal region or more generally between the political power and its territory. To have a better understanding of the economic, political and cultural interaction models that connected the different groups in the region and to reconstruct the whole local history are the main goals that our historical-archaeological research is aiming to reach in the next few years. Knowing Dhofar's linguistic configuration is important in order to approach some general problems of historical linguistics connected with the spread of Semitic languages in Arabia. Some groups speaking Semitic languages migrated into South Arabia at some stage of Arabia's protohistory. But, what the author emphasises is the fact that all the South Arabic languages (Old and Modern) were formed *within* the South Arabian region and do not arrive already formed from outside. We have to differentiate not only migratory lines but also linguistic «veins», which attest both the movements of groups from one area to another and the contacts between groups settled in regions that were distant from one another. It becomes necessary to formulate in a different way the linguistic hypothesis linked to the role played by Sabaic among Epigraphic South Arabic. Moreover the relationship between Modern and Ancient South Arabic – and this is why the study of the region of Dhofar is so important – could be more productively seen as the relationship between urban and rural languages than the relationship between more or less ancient languages.

¹² Schmidt J. Baugeschichtliche Untersuchungen an der Bauanlagen des grossen Dammes von Marib // ABADY. 1982. 1. S. 9–20.